

An abstract painting with a rich, textured background. The composition is dominated by bold, expressive brushstrokes in a variety of colors. Deep blues and teals are prominent in the upper left and lower left corners. Warm, vibrant yellows and oranges sweep across the center and right side. Intense reds and pinks are scattered throughout, particularly in the middle and upper right. The overall effect is one of dynamic energy and emotional intensity, with visible texture from the paint application.

*Вечернее  
шампанское*

*А. Байназарова*

А. Байназарова

# **Вечернее шампанское**

«Автор»

2026

**Байназарова А.**

Вечернее шампанское / А. Байназарова — «Автор», 2026

Поэт Владимир Остряков пытается сохранить себя в Москве 1920-х, где искусство требует ясности, а не красоты. Но когда он теряет голос, в его жизни появляется художник Александр Нотский — человек, который помогает ему снова начать слышать себя. «Вечернее шампанское» — это повесть о цвете, упрямстве, любви, разлуке и тихом спасении.

© Байназарова А., 2026

© Автор, 2026

# А. Байназарова

## Вечернее шампанское

### Глава 1

#### Вечернее шампанское

#### Часть первая. Рождение голоса

#### Глава 1. Грезы

Осень за окном стелилась сплошной серой пеленой. Небо, тяжелое и низкое, лишь изредка пропускало сквозь тучи бледные, почти призрачные лучи света, которые не согревали, а только подчеркивали холодность дня. В этом полумраке одиноко стоял старый одноэтажный деревянный дом. Его крыльцо, обитое выцветшей доской, тихо скрипело под весом времени, а рядом, на фоне унылого пейзажа, возвышалось сухое дерево – страж этого захолустья. Оно казалось живым, лишь благодаря своим изломанным ветвям, которые то и дело били по стеклу окна, создавая ритмичный, настойчивый стук.

Внутри дома царила тишина, нарушаемая едва уловимым и единственным звуком – отдаленным шуршанием карандаша по бумаге. Этот звук был тихим, но отчетливым, словно дыхание самого времени. Он заполнял пустоту комнаты сосредоточенностью и странным уютом – тем самым, которого так не хватало снаружи. За окном бушевала осень, дерево пыталось пробиться внутрь, а внутри – лишь точка на листе, медленно обретавшая форму букв, а потом строк. Этот контраст между суровым внешним миром и тихим внутренним творческим процессом создавал ощущение защищенности на какое-то время.

Год 1895. На неровном деревянном полу лежит мальчик лет шести. В правой руке карандаш с тупым кончиком. А перед лицом клочок обоев, вырванный из-под стола в гостиной. Он написал две небольшие строки, что сплетались между собой как первое стихотворение:

*Я вижу, как мама уходит в туман,*

*А следом за мамой – мой сонный диван*

Мальчика звали Владимир. Он изредка поднимал голову к окну, за которым стучало дерево, и снова писал то, что приходило в его маленькую голову. Внешностью он пошел весь в отца: те же темно-русые волосы с землистым отливом и серо-голубые глаза, что были так похожи на осеннее небо за стеклом дома. Но в них, в отличие от неба и отцовской строгости, теплилось что-то живое. Что именно – он сам бы не объяснил.

Внезапно, как и лучи солнца, в гостиную вошла мама – Надежда Литовская. Она была, в отличие от отца, доброй и любила сына. Мама обратила внимание, что сын лежит на полу и что-то старательно пишет на ободранном кусочке, но не стала его отвлекать – мало ли, рисует или выводит буквы. Только позвала:

— Володя, ужин.

Мальчик не поднял головы, но карандаш на долю секунды завис в воздухе, прежде чем снова лечь на бумагу с новой силой. Мать постояла на пороге, вздохнула и тихо вышла в кухню.

Когда четверостишие было дописано, Владимир встал с пола. Карандаш и кусок обоев остались лежать на месте. Мальчик отряхнул белую рубашонку, поправил брюки и направился туда, откуда уже тянул запах супа со свежим хлебом. Но на кухне обстановка стала другой: за столом, уткнувшись в газету «Русское слово» вчерашнего выпуска, сидел отец. Складка на лбу и поджатые губы ясно говорили о его строгости, которую он всегда показывал и надеялся, что мальчик вырастет таким же, но Владимир хоть и пошел внешностью в него, характером был добр и спокоен, да и лишнего ничего не говорил.



Сев на деревянную скамейку рядом, он смотрел в сторону отца, надеясь, что тот обратит на него хоть долю внимания, но он лишь кашлял и перелистывал газету, читая дальше. Не дождавшись зрительного внимания, Володя опустил голову, молча слушая, как мама достает тарелки и накладывает суп.

— Руки помыл? — спросил отец, так же читая газету и даже не взглянув на сына.

Владимир замер, сжав под столом свои руки. Он их не мыл, но лишь коротко кивнул и после добавил:

— Да.

Последующего ответа от отца не последовало и мальчик спокойно выдохнул, прежде чем мама поставила перед ним ложку и тарелку горячего супа с кусочком свежего хлеба, что испекла утром.

Они ели в тишине. Кухня наполнилась лишь звучанием ложек о края тарелок, отец все так же шуршал газетой, медленно поднося ложку ко рту. Володя смотрел в тарелку и думал о том, что дописал сегодня. О том, что эти строки – его, и никто их не отнимет. Даже отец.

После ужина он ушел в свою комнату. Небольшая комнатуха: окно напротив входа, с правой стороны – заправленная с утра кровать. Подушка, поставленная как парус корабля. Владимир лег на кровать, накрывшись шерстяным одеялом до подбородка. Сон не шел. В голове кружились те написанные строки. Казалось, что они светились изнутри и не давали ему уснуть.

Ночь была темной, тучи рассеялись, открывая черное небо с многочисленными белыми точками, что сияли вместе с полной луной. За окном все еще слышался стук ветви по стеклу и другие звуки, которые ночью слышны отчетливее, чем днем. Из спальни родителей доносились шепотки, прежде чем весь дом уснул, Володя не спал. Он тихо встал с кровати, которая скрипнула от его веса. И прокрался под лунным светом в сторону гостиной, достав из-под стола тот самый клочок обоев. Владимир перечитал строки еще раз, карандаш в темноте комнаты почти не различался, но его это не волновало. Он осторожно сел на пол, положив обрывок перед собой, туда, где света было больше и добавил еще две строчки:

*Туман – это память, мгновенья мгла,*

*А мама на веки, со мною всегда*

Потом Володя встал с пола и кусочком обоев в руках пошел обратно в свою комнату. Засунув свое первое стихотворение под подушку, он лег на кровать и только тогда заснул крепким, полным спокойствия сном.

Утро. Владимир встал уже как час назад и сейчас сидит на кухне допивая чай. Мама убирается по дому и в этот момент зашла к сыну в спальню с веником из сухой соломы, чтоб прибрать под кроватью. Взяв его обеими руками, Надежда начала подметать, выгребая из-под кровати пыль и вдруг, нащупала клочок обоев. Она нагнулась, чтоб взять бумажку и заметила на нем слова детским, неровным почерком. Мама помнила, что вчера сын лежал на полу с карандашом, но не приглядывалась. А теперь она увидела строки

Надежда поставила веник около кровати и прошла к сыну, который поставил, пустую кружку на стол. Володя сначала заметил маму, а потом и свой кусок обоев. Руки сжали чашку сильнее, хоть мама никогда не ругалась на него, но по лицу ее можно было заметить испуг, что встревожил мальчика.

— Володя, что это? — тихо спросила мама, показывая сыну кусок бумаги.

— Стих. — Тихо, но четко ответил Владимир. Взгляд метался с мамы на листок.

Надежда вздохнула снова, опустив руку с бумажкой и ответила, перекрестив сына:

— Господь с тобой. Стихи – это нервная болезнь.

Володя не ответил, опустив голову и медленно разжимая руки на чашке, прежде чем в дом вошел отец, что вернулся с рынка.

Константин Литовский – был рязанский мещанин, перебравшийся в Москву продавать мануфактуру. Стихов не читал принципиально. Он считал, что это все пустая трата времени и денег.

Зайдя в дом и сняв пальто, Константин сразу заметил Надю и Владимира рядом, брови его нахмурились в привычном жесте. Он зашел в кухню и, обведя обоих взглядом заметил кусок обоев в руках жены. От этого взгляда сердце мальчика на время замерло, прежде чем застучать сильнее, а руки сжались вокруг кружки.

— Дай. — Коротко, но требовательно попросил отец, протянув руку к Наде.

Мать поджала губы, чтоб скрыть обиду и страх за сына, но медленно протянула клочок к тяжелой и шершавой ладони мужа, тот же взял его, слегка смяв в пальцах. Глаза быстро пробежали по четырем строкам, прежде чем поднялись на сына. В его глазах не было отвращения или раздражения, только больное для Володи равнодушие.

— Выкинь. — Проговорил Константин хриплым голосом, обращение было к Наде, чем к сыну.

Он кинул смятый обрывок на стол и вышел из кухни. Последнее, что заметил обиженный Володя, – как отец провел рукой по лицу в явном раздражении.

\*\*\*

Шло время. Владимир из шестилетнего мальчика вырос в высокого юношу, но стихи не бросил. Он писал везде, где мог: на полях учебников, на газетных обрезках, на белых манжетах – за это его невзлюбил учитель чистописания.

Старик с дрожащими руками и тяжелой линейкой терпеть не мог «красивые души». Однажды он заметил на рукаве Литовского несколько неровных строк, выведенных карандашом. Лицо его побагровело.

— Что это?! — закричал учитель, хватая его за запястье и тряся перед ним.

— Стихи, — ответил Владимир, не опуская глаз.

— Красивая душа не пишет каллиграфически! — прошипел старик и взмахнул линейкой.

Два хлопка дерева по коже разлетелись по классу, все молчали, учитель был весь красный от ярости. Но Володя стерпел, не издав ни звука. В тот день он понял: училище – не место для его творчества.

\*\*\*

Когда Владимир вернулся домой, там его ждала обстановка еще напряженнее. Отец сидел в гостиной на своем кресле, читая газету. Юноша прошел мимо, Константин кашлянул, не так как кашляют обычно – это означало остановиться и подойти. Володя тихо вздохнул и вернулся в гостиную, остановившись перед отцом. Сердце стучало в груди, а в мыслях уже пронеслись слова: *Он знает. Ему пожаловались.*

— Бросай эту дурь, — сказал Константин, даже не глядя на сына. — Учись на мещанина, торгуй. Стихи – не дело.

— Я уйду из училища, — тихо ответил Владимир.

Отец поднял голову. Впервые посмотрел сыну в глаза – холодно, тяжело, как всегда делал в детстве, когда тот делал что-то не так.

— И куда же?

— В университет. На историко-филологический.

Константин долго молчал. Потом усмехнулся – сухо, беззвучно.

— Ну и проваливай.

Но Владимир не провалился. Он ушел сам. В 1907 году, в возрасте восемнадцати лет, он бросил училище и поступил в университет. Туда, где стихи не считали нервной болезнью, где их не осуждали и не сминали в комок.

\*\*\*

Шло время. Владимир учился в историко-филологическом университете, он дал ему то, чего не смогло дать училище: воздух, свободу, споры до утра и одно слово, которое он запомнит на всю жизнь *«футуризм»*.

Впервые он услышал это слово на лекции. Молодой преподаватель, который расхаживал по классу с небольшой книжонкой, небрежно бросил: *«Футуристы рвут старые формы»*. И тогда Владимир понял: вот оно. Вот где он сможет показать свои стихи и где, наконец, найдет своё имя. Литовский – звучит слишком мягко, слишком... Старинно. Ему хотелось чего-то нового, как и это направление, чего-то острого, что будет резать языки, как осколок стекла. И в голову сразу пришла она: *Остряков*.

Он взял этот псевдоним в 1914 году, когда в газете согласились напечатать его первое стихотворение. Редактор спросила:

— Как подписать?

— Остряков, — ответил Владимир, чувствуя, как буквы режут язык.

Стихотворение называлось «Ломающий ритм». Оно было в духе русского футуризма с акцентом на динамику и намеренное разрушение привычной литературы. И ни слова о политике, ни слова о правительстве. Только человек.

И его напечатали в местной газете на одном из листов с громким заголовком, про новое направление с лозунгом, что звучал еще в 1912 году: *«Пощечина общественному вкусу!»*.

Владимир держал в руках газету, в нос бил запах свежей краски. Он смотрел на свою фамилию – новую, чужую, свою – и не верил своим глазам. Потом улыбнулся, как не улыбался в детстве и сложив газету пополам, спрятал ее под подушку и лег спать. Как в детстве.

*Дикий слог – мой снаряд, мой бунтарь!  
Слом размера – удар по цензуре,  
Я – безгласный, ставший собою букварь,  
Раздирающий швы устарелой культуры.  
Свобода – хрип, сбивающий бег,  
Где такт – восстание против правил!  
В сердце сломанный – новый человек,  
Что слово свое на метафору вставил.*

## **Глава 2. Розовое небо**